Институционализация демократии в контексте демократического транзита: критический анализ научных подходов

Т. В. Растимешина¹, Ф. С. Антонов²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

rast-v2012@yandex.ru

Проведен критический анализ научных подходов к институционализации демократии в пост-советской России в период последней «волны» демократизации (Хантингтон). Подробно рассматриваются методологический и терминологический аппарат институционализации, нормативный, организационный и акционный (интеракционный) подходы к выявлению сущности политического института, дается авторское его определение. Показывается, что при всей их теоретико-методологической разработанности имеет место существенное ограничение для применения нормативного подхода. Делается вывод об универсализации политических институтов, сочетающейся со спецификой социального развития посттоталитарных обществ и культурой политического участия граждан.

Ключевые слова: демократия; политический институт; институционализация; демократический транзит; демократизация.

The Institutionalization of Democracy in the Context of Democratic Transit: a Critical Analysis of Scientific Approaches

T. V. Rastimeshina¹, F. S. Antonov²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

rast-v2012@yandex.ru

The authors carried out a critical analysis of scientific approaches to the institutionalization of democracy in post-Soviet Russia during the last “wave” of democratization (Huntington). They have examined in detail the methodological and terminological apparatus of institutionalization, normative, organizational and promotional (interactive) approaches to identifying the essence of a political institution and have given its original definition. It is shown that despite all their theoretical and methodological elaboration, there is a significant limitation for the application of the normative approach. The authors have made a conclusion about the universalization of political institutions, combined with the specifics of the social development of post-totalitarian societies and the citizens’ culture of political participation.

Keywords: democracy; political institute; institutionalization; democratic transit; democratization.

Процесс демократизации (или демократического транзита) начался в Европе относительно давно, еще в середине XVI в.,

который считается веком начала формирования европейского политического мировоззрения и европейских демократических

ценностей (этот процесс рефлексирован и в значительной степени детерминирован деятельностью и научными трудами Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса и Дж. Локка).

Сегодня процессы демократизации можно рассматривать, с одной стороны, в синхронном результирующем измерении и анализировать, какие демократические институты и отношения сформированы в тот или иной момент времени в макрорегионе, отдельном регионе или стране; а с другой — в диахронном измерении, анализируя «волны» и «откаты» демократизации (подробнее см.: [1; 2; 3] и др.). В середине 1980-х гг. рассмотрение диахронных аспектов демократизации начало выделяться в предметную область нового для того времени раздела науки — «транзитологии». Одним из вариантов формулировки ключевого вывода, к которому сегодня пришла транзитология, являются слова А. Ю. Мельвиля: «...История становления и развития демократических норм и практик говорит о том, что демократия — это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур» [4, с. 17]. То есть, перефразируя Мельвиля, можно сказать, что демократия является результирующим качеством и одновременно самим процессом демократизации.

В критическом анализе авторы останавливают свое внимание только на последней «волне» демократизации (в терминологии и периодизации С. Хантингтона), под которой, в соответствии с определением, данным этим авторитетным ученым, понимается исторический отрезок перехода общества «от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период» [5, с. 26]. Постсоветские страны и Россию последняя и наиболее интенсивная волна демократизации охватила с конца 1980-х гг., в так называемый посттоталитарный период развития.

Большинство теоретиков, изучающих процессы демократического транзита различных стран, сходятся во мнении, что для

всех без исключения стран и обществ процесс демократизации представляет собой формирование и укоренение во всех подсистемах политической системы демократических институтов и процедур. Вместе с тем пока не существует единой позиции по ряду вопросов.

Первый вопрос заключается в том, что необходимо понимать под термином «политический институт»: он трактуется учеными по-разному. Одни теоретики понимают его как систему учреждений и организаций, обеспечивающих функционирование и трансляцию политического режима (организационный подход) [6], другие — как «правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки» [7, с. 3], которые обеспечивают нормальное функционирование нормативной подсистемы политической системы и регулируют политические, экономические и социальные отношения между людьми и организациями (нормативный подход).

Наиболее распространенная классификация институтов в рамках нормативного подхода представляет собой деление институтов на формальные и неформальные. Генезис и функционирование формальных институтов — «формальных писанных правил» [7, с. 8] — связаны с функциями и возможностями государства, которое, обладая монополией на законотворчество и насилие, обеспечивает издание и реализацию законов, норм, организаций государственного администрирования и т. д. Неформальные институты («неписанные кодексы поведения») представляют собой совокупность некодифицированных норм, традиций, религиозных регулятивных ограничений, запретов, ценностей: они регулируют в первую очередь воспроизводство и функционирование культурной подсистемы политической системы. Приверженцы нормативного подхода отмечают, что, как правило, «в условиях демократии нет противоречий между формальными и неформальными институтами. Они органически дополняют друг друга, способствуя повышению адаптивности

демократической системы. И, напротив, в условиях неконсолидированной демократии соглашения могут не соблюдаться, легко нарушаться, что может привести к подрыву деятельности формальных демократических институтов» [8, с. 70].

Таким образом, методологический и терминологический аппарат нормативного подхода к определению политических институтов весьма разработан и довольно широко распространен в отечественной науке. Вместе с тем имеет место существенное ограничение для применения нормативного подхода: в его теоретическом пространстве сам институт (его организационная составляющая) фактически неотделим от его нормативной (культурной) составляющей. Собственно говоря, в этом методологическом поле государство или политическая партия должны рассматриваться не как институт — в качестве институтов будут, скорее, выступать государственные законы и партийная программа.

При таком подходе его сторонники отождествляют институт и норму, культурную, нормативную и институциональную подсистему политической системы. Но в этом случае мы не можем говорить о критериях институционализации либо вынуждены будем ее понимать в первую очередь как процессы изменения, опять же, нормативной подсистемы политической системы. Однако, как справедливо отмечает А. В. Абрамов, «институтами принято называть государство, правительство, парламент, политические партии и иные вполне “материальные” образования» [9, с. 54]. Исходя из этих соображений, авторы настоящей статьи полагают, что нормативный подход не является оптимальным методологическим инструментарием для анализа понятия институтов и процесса институционализации.

Обратимся к организационному подходу: его представители понимают под институтом наиболее стабильные объединения и организации людей, имеющие четкую структуру, границы, содержание внутренних отношений, воспроизводство которых является основным фактором трансляции

политического режима и политических отношений в рамках одной политической системы. Институтами, с точки зрения сторонников организационного подхода, являются организованные коллективные субъекты политической жизни, политических процессов, политических отношений (подробнее см.: [10; 11] и др.). Здесь, на взгляд авторов, нужно провести четкую грань между коллективным субъектом (как то: класс, социальная группа) и *организованным* коллективным субъектом, в том числе оформленным административно и нормативно политическим субъектом (например, государство, политическая партия, профсоюзная организация и т. п.). Роберт Даль отмечает еще одну особенность таких институтов, которая проявляет себя, если к понятию «институт» подходить с позиций организационного подхода: они являются организованным ядром политической системы, последовательно и стабильно воспроизводятся во времени, оставаясь неизменными субъектами социально-политических процессов и выполняя во внутренних процессах, как правило, относительно стабильные роли и функции [12, с. 83].

По мнению авторов, критика со стороны нормативистов, которой они подвергают сторонников организационного подхода, состоятельна лишь отчасти. Она, как правило, основывается на идее, что организации (государства, партии и т. д.), их функционирование — в содержательном аспекте это, в первую очередь, воспроизводство норм и отношений. Соответственно, как рассуждают нормативисты, институты как рамочные условия для воспроизводства регулятивных норм не могут «состоять из людей» [7, с. 3]. Вместе с тем этот «недостаток», на который указывают нормативисты, легко устраняется, в частности, определением института, данным О. М. Соловьевым: он предлагает понимать институты как «триединую целостность — организация, нормы, отношения» [13, с. 11].

Нельзя не упомянуть, что существует и третий подход к определению институтов — акционный (интеракционный). Он

заключается в понимании институтов как форм и образов действий и поведения людей, групп и организаций [14]. Среди российских исследователей немало приверженцев этого подхода. В частности, С. Г. Кирдина определяет политические институты как своего рода матричные конструкции: «...глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ» [15, с. 17].

Имея в виду значительный методологический потенциал каждого из трех подходов, но опираясь преимущественно на идеи сторонников организационной теории, под политическими институтами авторы понимают *стабильные, имеющие четкие формальные границы организации людей, функционирующие в качестве субъектов политической жизни, укорененные в традициях политических систем, воспроизводимые в политическом процессе и действующие на основе кодифицированных и некодифицированных норм, т. е. напрямую в своей деятельности связанные с целями завоевания, удержания и осуществления государственной власти*. На взгляд авторов, такое определение, не являясь односторонним и не ограничивая исследователя рамками нормативного, институционального или акционного подходов, позволяет не односторонним образом подойти и к пониманию и определению институционализации. Под ней, как представляется, следует понимать не только процессы закрепления в культуре и образе действий политических акторов неформальных норм и кодификации формальных; не только организационное оформление участников политических процессов и не только процесс постепенного урегулирования и закрепления в политических «привычках» акторов определенных задач, целей и образа действий. К понятию институционализации следует подходить системно.

Второй важный теоретический вопрос транзитологии заключается в том, являются ли демократические институты и процедуры универсальными для всех обществ в различные исторические периоды развития

(позиция универсализма) — или, как рассуждают ученые с позиций историзма, история, традиции, политическая культура предопределяют становление в том или ином обществе собственных, единичных, не универсальных институтов. Авторы склонны придерживаться третьей позиции: в ходе своего развития современные политические институты приобрели черты, которые именно в рамках современности могут характеризовать их как «универсальные», вместе с тем в рамках каждой из политических систем они приобретают определенные особенности, связанные со спецификой развития этого общества [8, с. 68—69].

Третий вопрос: что понимать под институционализацией? Авторы трактуют ее как *совокупность процессов оформления, стабилизации и укоренения в политической культуре субъектов политической жизни — организаций людей, действующих на основе кодифицированных и некодифицированных норм, регулирующих их деятельность, нацеленную на завоевание, удержание политической власти и осуществление государственного управления, а также процессов кодификации, выработки и усвоения в коллективном образе действий самих норм и устойчивых стратегий деятельности организации*. Важно в этом контексте отметить: процесс социального и политического развития с самых древних времен, с начала оформления общинных отношений, представляет собой непрерывный процесс восходящей институционализации: усложнения и усовершенствования истинно человеческих форм жизни — политических организаций. Именно в этом отношении можно утверждать, что человек уже более двух с половиной тысяч лет отправляет социальную жизнь в институционализированных рамках, будучи «политическим животным». Таким образом, собственно демократическая институционализация есть оформление (переоформление, трансформация) тех институтов и связанных с их деятельностью норм, традиций, образов действий, которые способствуют осуществлению и воспроизводству демократических политических отношений и политической культуры участия.

Литература

1. Баранов Н. А. Трансформации современной демократии. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т, 2006. 215 с.
2. Вайнштейн Г. И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации» // Политические институты на рубеже тысячелетий XX в. — XXI в. Дубна: Феникс+, 2001. С. 410—443.
3. Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории: постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: в 2 т. Т. 2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. СПб.; М.; Берлин: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. Гл. 14.
4. Мельвил А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. 106 с.
5. Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.: ил., табл.
6. Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. Glencoe, IL: Free Press, 1960. 344 p.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Начала, 1997. 190 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
8. Баранов Н. А. Институционализация в России: особенности национальной модели // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3 № 4. С. 68—86.
9. Абрамов А. В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53—55.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 525 с.
11. Черныкин В. Г. Политические институты. Методология исследования. М.: АЭБ МВД России, 2006. 154 с.
12. Даль Р. О демократии / Пер. с англ. А. С. Богдановского; науч. ред. О. А. Алякринский. М.: Аспект Пресс, 2000. 204 с.
13. Соловьев О. М. Политические институты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 145 с.
14. Димаджо П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / Пер.: Г. Б. Юдин // Экономическая социология. 2010. Т. 11 № 1. С. 34—56.
15. Курдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.

Поступила 26.06.2019

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского

университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rastv2012@yandex.ru

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgou.ru

References

1. Baranov N. A. Transformatsii sovremennoi demokrati (Transformations of Modern Democracy), SPb., Balt. gos. tekhn. un-t, 2006, 215 p.
2. Vainshtein G. I. Rossiiskii tranzit i problema tipologicheskogo raznoobraziya "global'noi demokrati-zatsii" (Russian Transit and the Problem of "Global Democracy" Typological Variety), *Politicheskiiye instituty na rubezhe tysyacheletii XX v. — XXI v.*, Dubna, Feniks+, 2001, pp. 410—443.
3. Offe K. Dilemma odnovremennosti: demokratizatsiya i rynochnaya ekonomika v Vostochnoi Evrope (Simultaneity Dilemma: Democratization and Market Economy in Eastern Europe), *Povoroty istorii: postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemetskikh issledovatelei*, v 2 t., T. 2, Postsotsialisticheskie transformatsii v sravnitel'noi perspective, SPb., M., Berlin, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, 2003, Chapter 14.
4. Mel'vil' A. Yu. Demokraticheskie tranzity (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty) (Democratic Transits (Theoretical-and-Methodological and Applicative Approaches)), M., Mosk. obshchestv. nauch. fond, 1999, 106 p.
5. Khantington S. (Huntington S.) Tret'ya volna: Demokratizatsiya v kontse XX veka (The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century), M., ROSSPEN, 2003, 368 p., il., tabl.
6. Parsons T. *Structure and Process in Modern Societies*. Glencoe, IL, Free Press, 1960, 344 p.
7. Nort D. (North D.) Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki (Institutions, Institutional Change and Economic Performance), Per. s angl. A. N. Nesterenko, predisl. i nauch. red. B. Z. Mil'nera, M., Nachala, 1997, 190 p., Sovremennaya institutsional'no-evolyutsionnaya teoriya.
8. Baranov N. A. Institutsionalizatsiya v Rossii: osobennosti natsional'noi modeli (Institutionalization in Russia: Traits of the National Model), *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2007, T. 3 No. 4, pp. 68—86.
9. Abramov A. V. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii (Political Institute and Political Institutionalization: Definition of Concepts), *Vlast'*, 2010, No. 5, pp. 53—55.
10. Giddens E. (Giddens A.) Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii struktural'stii (The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration), M., Akademicheskii proekt, 2003, 525 p.
11. Chernyakin V. G. Politicheskiiye instituty. Metodologiya issledovaniya (Political Institutes. Research Design), M., AEB MVD Rossii, 2006, 154 p.
12. Dal' R. (Dahl, Robert A.) O demokratii (On Democracy), Per. s angl. A. S. Bogdanovskogo, nauch. red. O. A. Alyakrinskii, M., Aspekt Press, 2000, 204 p.

13. Solov'ev O. M. Politicheskie instituty (Political Institutes), SPb., Izd-vo SPbGU, 2003, 145 p.

14. Dimadzhio P. Dzh. (DiMaggio Paul J.), Paull U. V. (Powell Walter W.), Transl.: G. B. Yudin. Novyi vzglyad na "zheleznuyu kletku": institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' v organizatsionnykh polyakh (The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields), *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2010, T. 11 No. 1, pp. 34—56.

15. Kirdina S. G. Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii (Institutional Matrices and Development of Russia), M., TEIS, 2000, 213 p.

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1) *rast-v2012@yandex.ru*

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (105005, Moscow, Radio str., 10a), *aspirantura@mgou.ru*

Submitted 26.06.2019